

Секция «Философия. Культурология. Религиоведение»

О перспективе исследования феноменологического этапа творчества М.

Фуко

Шашлова Екатерина Игоревна

*Южный федеральный университет, Философии и культурологии, Ростов-на-Дону,
Россия*

E-mail: shashlova@rambler.ru

Философское наследие М. Фуко невозможно выстроить в стройную систему взаимодополняющих идей. В российских исследованиях наиболее популярна периодизация творчества Фуко, представленная Н.С. Автономовой [1]: период археологии знания (1960-е гг.), период генеалогии власти (1970-е гг.), период эстетики существования (1980-е гг.). Также представлена оценка философии Фуко как трансформации структурализма в постструктурализм (И.П. Ильин [4]). Но данные периодизации не учитывают «до-структуралистского» или феноменологического этапа творчества Фуко («Психическая болезнь и личность», Введение к французскому изданию статьи Л. Бинсвангера «Сон и существование», 1954). Представляется необходимым представить феноменологический этап творчества Фуко и проблематизировать отказ от феноменологии, экзистенциальной психологии и антропологии. Трансформацию философских идей М. Фуко можно представить по нескольким параметрам: изменение предмета исследования (безумие, знание, власть, субъект и др.); изменение метода исследования (феноменологический, археологический, генеалогический); рассмотрение философии М. Фуко в контексте развития французской философии (1. – от структурализма к постструктурализму; 2. – от «трех Н» к «трем властителям умов»); рассмотрение трансформации творчества Фуко не сквозь призму эволюции, но как прохождение через кризисы (оценка Ж. Делеза). Изменение предмета исследований Фуко не отражает трансформации его идей, но лишь область эмпирического материала, с которым работал автор. Во многих интервью, где Фуко дает целостную оценку своему творчеству, он объединяет все эти разрозненные области в одну, подводя под единую задачу вскрытия механизмов функционирования власти. Также в поздних исследованиях он снова возвращался к проблемам психиатрической власти (лекции 1973-1974 гг.) Изменение метода исследования не пригодно для различения «археологии» и «генеалогии», но анализ феноменологического подхода у Фуко возможен именно на пике разрыва с феноменологией, экзистенциальной психологией и антропологией. Таким образом, для выявления специфики феноменологического этапа творчества Фуко, наиболее верными путями исследования будет рассмотрение кризисов в философии Фуко в контексте развития французской философии. Наиболее важен первый кризис – переход от феноменологии к эпистемологии, завершившийся работой «Безумие и неразумие. История безумия в классическую эпоху» (1961). После этого перехода Фуко никогда больше не возвращался к обоснованию психологии как науки, анализу человеческого существования как антропологической основе научной психологии, наоборот, Фуко будет придерживаться прямо противоположной позиции в обосновании гуманитарного знания: критика антропологии и критика научного статуса гуманитарных наук, в том числе и психологии. В последующих книгах Фуко никогда больше не изменит своих взглядов так кардинально, хотя, основываясь на первом

опыте, всегда будет говорить об изменении и трансформации собственных взглядов в ходе работы над книгами. Такая трансформация идей Фуко – это следование одному из путей развития французской философии, это отказ от феноменологической интерпретации человеческого бытия, неспособной перевесить властную функцию психиатрического знания. Переход к генеалогии власти не является индивидуальным проектом Фуко. Как указывает В. Декомб [3], переход от «трех Н» (Гегель, Гуссерль, Хайдеггер) к «трем властителям умов» (Маркс, Ницше, Фрейд) характерен для послевоенной философии во Франции. В творчестве Фуко воплощен философский поиск французских интеллектуалов оснований разума и власти, в том числе и в контексте политических событий.

О.А. Власова [2] усматривает феноменологическую схему, истоком которой выступает концепт экзистенциально-априорных структур Бинсвагера, соединяющий идеи Канта и Хайдеггера, в фукольдианской концепции исторического а priori (периода 1960-х гг.): «Место фундаментальной онтологии Dasein занимает историческая эпистемология, пространство Сущего заполняет пространство Истории, на место экзистенциальных а priori приходят а priori исторические» (Власова, 2010, с. 48). Но можно ли согласиться с тем, что экзистенциальное а priori, представленное в работе «Психическая болезнь и личность» (1954) как тревога, соответствует тому же уровню исторических условий возможности знания («Слова и вещи», 1966)? Разве не является предрекаемое «исчезновение человека» отказом от всякой антропологической интерпретации а priori? Вопрос о существовании будет подниматься Фуко в последних исследованиях, посвященных стратегиям субъективации, но вне феноменологической перспективы. Таким образом, представляя завершение феноменологического этапа творчества Фуко как кризис его поисков в контексте послевоенной французской философии, следует обратить внимание на критику антропологизма как одну из перспектив осмысления власти-знания. Эта перспектива позволяет нам рассматривать творчество Фуко через отрицание феноменологии, антропологии и экзистенциального анализа.

Литература

1. Автономова Н.С. От «археологии знания» к «генеалогии власти» // Вопросы философии, 1978, № 2.
2. Власова О.А. Ранний Фуко: до «структуры», «археологии» и «власти» // Фуко М. Психическая болезнь и личность. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2010.
3. Декомб В. Современная французская философия. М.: Издательство «Весь Мир», 2000.
4. Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа.- М.: 1998.

Слова благодарности

Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 13-33-01317а2 "Специфика феноменологической проблематики в ранних работах М. Фуко".